

НАКАНУНЕ 40-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА СССР ИМ. ГОРЬКОГО

Три образа

Меня часто спрашивают о том, как я работаю над ролью. Ответить на этот вопрос всегда бывает необычайно трудно: слишком много тут «слагаемых», порою неувидимых, неясных для самого себя в разгаре работы, не поддающихся точному определению. Поэтому легче говорить о ролях, давно сыгранных.

Я никогда не мог себе представить, как можно успешно работать над ролью, не полюбив ее по-настоящему, не сжившись с нею так, чтобы она вошла в плоть и кровь актера. Иногда это творческое ощущение образа приходит сразу, и сразу все внутренне становится на свои места. Так было у меня с важнейшей, значительнейшей в моем дореволюционном репертуаре ролью — с Иваном Карамазовым. Историю этой роли помню во всех подробностях: и то, как играл, и то, как над ней работал. Не знаю даже, подойдет ли сюда слово «работа». Была какая-то охваченность, одержимость. Роль эта вошла в мою жизнь и поглотила меня целиком. Месяц или два я чувствовал себя «в полосе» Ивана Карамазова, сжилась с ним интимно. Может показаться странным, как можно с наслаждением работать над образом, проходящим в романе Достоевского через такие мучительно болезненные переживания, граничащие с сумасшествием. Как можно находить творческое удовлетворение, копаясь в этих страшных бредовых муках извещающего в смертельной тоске человека? Меня увлекала идея образа. Я любил в Иване Карамазове его бунт против бога, навязанного человеку, как камень на шею, его страстную веру в силу разума, дерзновенно разрушающего все преграды на пути к познанию. И эта идея освещала для меня каким-то особым светом каждое, пусть и страшное, переживание Ивана. Работать приходилось напряженно, лихорадочно, в условиях, необычных для нашего театра. Дело в том, что «Карамазовы» были поставлены, что называется, накоротке. К. С. Станиславский в ту пору болел брюшным тифом и зимовал в Кисловодске. Стоявшая на очереди постановка «Гамлета», таким образом, откладывалась. И вот Вл. И. Немирович-Данченко предложил нам сыграть в промежутке «Карамазовых». Спектакль был готов через два месяца. Я настолько был увлечен самой сущностью образа, его «зерном», что над формой особенно не задумывался. Она пришла сама, собой. Когда я сообщил Вл. И. Немировичу-Данченко мой план «кошмара Ивана Федоровича», как монолога Ивана, разговаривающего с самим собой, он задумался, а потом сказал: «Очень вам аплодирую: мысль удачная». И позже, когда роль была уже сыграна, подтвердил: «Конечно, так, иначе и быть не может».

Но бывали в моей жизни роли, в работе над которыми приходилось идти другими, иногда более сложными путями.

Вспоминаю ясно, что лично я по самому началу работы над пьесой Горького «На дне» не был особенно захвачен своей ролью барона. Да и сам автор говорил после чтения пьесы, что

«барон» ему не удался, хотя он и писал его с живого человека — барона Бухгольца, спившегося и попавшего в нижегородскую ночлежку. Алексей Максимович даже прислал мне его фотографии — в группе с другими босяками и отдельный портрет. Некоторыми из этих снимков я воспользовался для грима — понравился мне «паричок», т.е. форма головы и цвет жидких, коротко остриженных, очень блондинистых волос. Пожалуй, мне пригodiлось и кое-что в выражении глаз — наивных и недоумевающих. Но все остальное — костюм, поза, положение рук, чисто выбритое лицо — было нетипично и мало говорило моей фантазии. Вероятно, этот барон знал, что его будут снимать и для этого специально побрился, надел чужой, приличный, нервный костюм, на портрете он был в чистой на вид блузе, подпоясанной шнурком, и стоял скромно и просто, засунув за пояс (по-толстовски) кисти рук. Все это на снимке было уж очень нетипично для спившегося босяка, хулигана и сутенера и мало мне помогло в поисках нужного образа. Помогли живые модели — те подлинные босяки, которых я встречал на московских улицах около питейных заведений, церквей и кладбищ. С ними я вступал в беседы, хватал их «живьем» — в их интонациях, манерах, походках и пр. Вспоминал тех босяков, с которыми встречался на волжских пристанях.

Но больше всего «помогли» в моей работе живые модели из подлинных «аристократов», с которыми я специально знакомился для моего «барона» и, пристально их наблюдая, мысленно переодевал в босяцкие отрепья этих гвардейских офицеров, камер-юнкеров, графов. Например, грассирование (буквы «р») я взял у графа Татищева (известного московского адвоката) и у камер-юнкера Нелидова (бывшего управляющего труппой Малого театра). У первого взял еще манеру часто оправлять галстук, снимать и надевать перчатку, у второго, кроме грассирования, — еще хриплый, гортанный и высокий тембр голоса и привычку публично чистить ногти, «маникюрить» их и протирать в задумчивости, наводя на них глянec обшлагом пиджака. У князя Барятинского я взял «гвардейскую походку» и манеру ковырять мизинцем в ухе. Так, «с миру по нитке» собирал и лепил я внешний образ. Ну, а внутренний образ, вся внутренняя сущность барона, все его «чувства», все его поведение, — это все дано в пьесе автором. Надо было только вжиться в это содержание, а форма была найдена, хотя и не сразу.

И в других ролях горьковского репертуара мне удавалось схватить, зацепить внутреннее содержание, от наблюдений над окружающими меня людьми, над живыми моделями притти к нужной внутренней характеристике.

Эти живые модели, старые знакомцы мои особенно помогли мне в последней моей роли — Захара Бардина во «Врагах» А. М. Горького. Вспоминания о том времени, к которому относится действие пьесы, об эпохе революцион-

ного движения накануне 1905 года, сохранились в моей памяти очень живо. В те годы мне часто приходилось соприкасаться с кругами «либеральной буржуазии», к которой принадлежит Захар Бардин. Мои личные наблюдения дали мне возможность заострить образ сатирически. Вспоминая то, что я подглядел во всех виденных мною живых Бардиных, я решил показать, как сочетаются в нем: дешево стоящий «гуманизм» с заботой о собственной шкуре, разговоры о национальной культуре со стремлением к наживе, боязнь перед всякой угрозой его собственному благополучию.

Внешним покровом культурности и гуманизма прикрывается настоящее лицо фабриканта и помещика. Но Бардин хочет найти себе какое-то внутреннее оправдание, убедить самого себя, что возможно «мирное и разумное» разрешение больных социальных вопросов. В начале пьесы он пытается как-то оспаривать взгляды своего компаньона о необходимости железного кулака по отношению к рабочим. «Зачем вражда, я хочу добра». Но эти благие намерения, внешне рисующие Бардина как будто бы с положительной стороны, быстро испаряются. И образ принимает уже другое внешнее выражение. Это — вовсе не обособленное существо, это — рупор его класса.

И вот для того, чтобы найти наиболее выпуклые и выразительные очертания образа, я мобилизовал все свои воспоминания о встречах с людьми, близкими по своему существу к Захару Бардину. От одного я брал барственность, апломб, от другого — «серьезность глупости», от третьего — наивность, граничащую с той же глупостью. Ясно помню этих людей, слышу их голоса, их интонации — самоуверенные, поучающие, торжествующие и — растерянные, злобные, даже панические.

С той минуты, когда у меня в голове возникли общие контуры образа, я целиком в его власти. Все мое внимание, все мое творческое «я» им поглощено. Состояние, знакомое всякому художнику, увлеченному творческой работой. Не только на репетициях, но и на улице, в рабочем кабинете, в самых различных условиях, в самой разнообразной обстановке наваливается и вынашивается задуманный образ. Часто ловишь себя на том, что, играя в каком-то другом спектакле, живешь уже жизнью новой, еще не показанной роли, захватившей в плен и сердце, и мозг. Произносишь привычные слова старой роли, а в голове уже имеешь слова, которые через некоторое время придется говорить на этой же сцене. Идешь по улице и вдруг неожиданно находишь какой-то новый жест, какую-то новую интонацию. Иногда, незаметно для себя, вдруг заговоришь вслух сам с собой. Фантазия работает все напряженнее и напряженнее. И на репетиции, в ансамбле, часто окончательно находишь те краски и внутренние ходы роли, которые лишь смутно ощущались накануне.

В. И. КАЧАЛОВ.

Народный артист Союза ССР.